

в том, что окончательно испортить идею было невозможно. Она, во-первых, проста — действие происходит во время Первой мировой войны на пятаке в сто квадратных метров, по сторонам которого расположены окопы шотландцев, французов

ходимости создания единой Европы. Ведь общих черт у европейцев больше, чем различий: одна религия (христианство), одна культура (любовь к опере, например), одни привычки (тот же футбол), одни излюбленные местечки (какая-нибудь

по жанру «Счастливое Рождество» показывает не только сам праздник, но и следующее утро. Для большинства рядовых зрителей оно ознаменовано похмельем, для героев картины — отправкой в мясорубку Вердена.

ДИРЕКТОР ПАРИЖСКОЙ ОПЕРЫ **ЖЕРАР МОРТЬЕ:**

«Я попросил Гергиева привезти ко мне только XX век»

Закончились первые гастроли оперной труппы Мариинского в Opera de Paris. Именно этот театр стал главным европейским оперным центром: там правит бал «великий и ужасный» Жерар Мортье. Именно он возглавил после смерти Каюна Зальцбургский фестиваль, на 10 лет превратив его в Мекку режиссерского авангарда и полигон для жестоких баталий туристов и новаторов. О том, какой станет Opera de Paris, ее нынешний директор Жерар Мортье рассказал обозревателю «Известий» Илье Кухаренко.

ЖЕРАР МОРТЬЕ: Вы уже слушали мариинский «Нос» здесь в Париже?

ИЗВЕСТИЯ: Да, конечно...

МОРТЬЕ: Удивительно, как много пришло народу...

ИЗВЕСТИЯ: Это при том, что вокруг жгли машины. Все эти мрачные обстоятельства помешали аншлагам в этом сезоне?

МОРТЬЕ: Вы знаете, нисколько. Это, конечно, очень серьезное и даже пугающее испытание для всех нас. Однако в многих странах есть свои проблемы подобного рода, и где-то они, может быть, стоят даже острее, чем во Франции. В прошлом сезоне я делал проект «Вольф», поставленный Аланом Плателем (см. «Известия» от 22.05.04), который сейчас мне кажется настоящим пророчеством.

Но так или иначе, публика не стала отказываться от походов в оперу. Мне даже кажется, что страх сплотил людей и заставил их острее чувствовать оперу...

ИЗВЕСТИЯ: Вы знаете, в России о вас говорят самые противоречивые вещи. Кто-то считает вас настоящим монстром, а кто-то говорит — гений. Как вы оцениваете мариинскую гастроль?

МОРТЬЕ: Успех мариинского «Носа» был для меня очень важен. Я, вероятно, решил побить монстром и расшевелить, раздразнить парижан — первые десять месяцев я решил давать только оперу XX века. Хм, конечно, пришлось оставить в репертуаре несколько «Богем» для тех, кто, вероятно, просто умрет от сердечного приступа, увидев такое безобразие (смеется).

Итак, я начал с «Из мертвого дома» Янчека по Достоевскому, потом была «Электра» Рихарда Штрауса, которая тоже авангард для Парижа, поскольку там нет ничего красивого вроде танца семи покрывал, как в «Саломее». Затем последовал «Кардильяк» Хиндемита, которого здесь просто никто не знал.

Следом мариинцы привезли «Нос» — тоже полный сюрприз и раритет, а в пандан я решил дать «Любовь к трем апельсинам» Прокофьева — мне был интересен скрытый диалог между Прокофьевым и Шостаковичем.

Чем. Потом последуют «Джульетта» Богуслава Мартина и мировая премьера оперы Кайо Саариахо «Адриана Матер», написанной специально для Opera de Paris.

ИЗВЕСТИЯ: Опять будет множество критических замечаний...

МОРТЬЕ: Как ни странно, нет, на Янчеке был аншлаг, «Нос» был полностью распродан (12 тысяч человек за неделю), а на «Кардильяке» побывало 70 тысяч человек.

ИЗВЕСТИЯ: Что ж, еще одна битва за вами.

МОРТЬЕ: (смеется) Дальше — больше. Мы собираемся потрясти Париж мюзикловскими постановками — скоро начнутся репетиции «Дон Жуана» в постановке Михаэля Ханеке — знаменитого режиссера, автора фильма «Пианистка» с Изабель Юппер, а потом стартует «Свадьба Фигаро» Кристофа Марталера.

ИЗВЕСТИЯ: Как вы познакомились с Гергиевым и какие проекты с ним у вас запланированы на ближайшее будущее?

МОРТЬЕ: Это было десять лет назад. Я попал на его концерт в Бруклине, где он дирижировал мариинцами. После был ужин, где сложилась чудесная атмосфера, которая подтолкнула меня пригласить его в Зальцбург. Так начались наша дружба и сотрудничество. Не могу не похвастаться, что я был своего рода отцом замечательного и длящегося по сию пору союза Гергиева и Венских филармоников. И несмотря на множество конфликтов с оркестром Венской филармонии, я горд тем, что пригласил туда Пьера Булеза и Валерия Гергиева.

И когда я стал директором Парижской оперы, я тут же сказал Гергиеву, что хочу, чтобы он обязательно делал здесь что-то ежегодно. Скоро мы собираемся возобновить постановку «Лоэнгрин». У нас есть множество планов на ближайшие пять лет. Гергиев будет ставить несколько абсолютно новых продукций — в частности, «Ромео и Юлию» и «Бенвенуто Челлини» Берлиоза (совместная постановка с Зальцбургским фестивалем). А потом будет грандиозный совместный проект с Мариинским, который хочет приурочить к открытию нового здания большой фестиваль, посвященный

творчеству Гектора Берлиоза. И к двум уже названным операм должны прибавиться «Троянцы».

Что же касается гастролей Мариинского, то здесь я поставил условие. Я сказал Гергиеву, что хочу, чтобы он привозил сюда только XX век — «Огненного ангела», например, или что-то в этом роде.

ИЗВЕСТИЯ: Вы часто говорите о буржуа с негативным оттенком. Но может ли опера с ее ценами на билеты обойтись без буржуа?

МОРТЬЕ: Я ничего не имею против буржуа. Сам, как вы видите, всегда в костюме и при галстуке (смеется). Но, с другой стороны, я сам происхожу из довольно бедной семьи. И мне категорически не нравится, что один класс получил своеобразную привилегию судить о том, что в опере хорошо, а что плохо. Мне хотелось бы, чтобы в оперу приходили все. Я устроил здесь систему студенческих билетов, когда молодые люди могут попасть на лучшие места всего за пять евро.

ИЗВЕСТИЯ: Вам не надоело недовольное букинг на большинстве ваших проектов?

МОРТЬЕ: Мне все равно, сколь велико негодование, пока недовольные не перестают покупать билеты и приходить в театр. На некоторых спектаклях мы даже знаем, из какого угла будут букинг, поскольку эти люди купили билеты на несколько ненавистных им представлений.